

Впервые в Европе. Староверие в Литве (1918–1923): реэмиграция, формирование церковной структуры поморцев и официальное признание Церкви

Григорий Владимирович Поташенко / Grigoriy Potashenko

Vilniaus universitetas, Lietuva / Vilnius University, Lithuania

E-mail: grigorijus.potasenko@if.vu.lt

ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-7012-6798>

<https://ror.org/03nadee84>

Аннотация. В статье рассматриваются важные аспекты развития Старообрядческой церкви в Литве (далее СЦЛ) в 1918–1923 гг. (массовая реэмиграция, формирование полной церковной структуры, основу которой составили поморские общины, и официальное признание Церкви) и три тесно взаимосвязанных вопроса, в частности, вопрос формирования новых центральных структур СЦЛ в связи с реэмиграцией староверов, способствовавшей воссозданию прежней сети общин, с последующим юридическим признанием СЦЛ в мае 1923 г., а также проблемой формирования фактически единого поморского общества. Данные аспекты еще не получили последовательного освещения в историографии, между тем официальное признание Церкви стало знаковым событием в истории староверия, поскольку Литва была первым государством в Европе, формально признавшим автономию и равноправие СЦЛ.

Для анализа религиозной и правовой ситуации СЦЛ привлечены труды историков, избранная контекстуальная историография и исследования историков юридического права. Для сравнения особенностей правового статуса СЦЛ в региональном контексте привлечена зарубежная историография, посвященная правовому статусу старообрядческих обществ в Польше, Латвии, Эстонии и других странах. В статье используются результаты авторских исследований последних лет комплекса новых архивных материалов, разного рода документов и основанных на идеях историографии.

Ключевые слова: Старообрядческая церковь в Литве, поморцы, федосеевцы, реэмиграция, правовое положение, межвоенная Литва (без Вильнюсского края)

For the First Time in Europe. Old Belief in Lithuania (1918–1923): Reemigration, Formation of Pomorian Church Structures and Official Recognition of the Church

Abstract. The article examines important aspects of the development of the Old Believers Church in Lithuania in 1918–1923 (mass reemigration, the formation of a complete Church structure, the basis of which was the Pomorian communities, and official recognition of the Church) and three closely interrelated problems. How the formation of new central structures of the Old Believers Church in Lithuania was associated with the reemigration of Old Believers, which contributed to the reconstruc-

Received: 18.04.2024. Accepted: 30.10.2024

Copyright © 2024 Григорий Владимирович Поташенко / Grigoriy Potashenko. Published by Vilnius University Press. This is an Open Access article distributed under the terms of the [Creative Commons Attribution Licence](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original author and source are credited.

tion of the former network of their communities, and with the subsequent legal recognition of the Old Believers Church in Lithuania in May 1923. Another problem is how the formation of a virtually unified Pomorian society took place. These aspects or themes of this study have not yet received consistent treatment in historiography.

To analyse the religious and legal situation of the Old Believers Church in Lithuania, the works of historians, selected contextual historiography and studies of legal historians were involved. To compare the features of the legal status of the Old Believers Church in Lithuania in the regional context, foreign historiography is also involved, studying the legal status of Old Believers' community in Poland, Latvia, Estonia and other countries. The official recognition of the Church became a landmark event in the history of the Old Belief, since Lithuania was the first state in Europe which formally recognized the autonomy and equality of the Old Believers Church in Lithuania. The article also uses the results of the author's research in recent years, based on a complex of new archival materials, various documents, and ideas of historiography.

Keywords: The Old Believers Church, the Pomorians, the Fedoseyans, reemigration, legal status, interwar Lithuania (without the Vilnius region)

Pirmą kartą Europoje. Sentikybė Lietuvoje (1918–1923): reemigracija, pomorų bažnytinės struktūros sukūrimas ir oficialus Bažnyčios pripažinimas

Santrauka. Straipsnyje nagrinėjami svarbūs Sentikių Bažnyčios raidos aspektai Lietuvoje 1918–1923 m. (masinė reemigracija, baigtinės Bažnyčios struktūros, kurios pagrindas buvo pomorų parapijos, susiformavimas ir oficialus Bažnyčios pripažinimas) ir trys glaudžiai susijusios problemos: kaip tuomet naujų centrinių Sentikių Bažnyčios struktūrų formavimasis Lietuvoje buvo siejamas su sentikių reemigracija, prisidėjusia prie buvusio jų parapijų tinklo atkūrimo, o vėliau – sentikių bendrijos teisiniu pripažinimu 1923 m. gegužės mėn.; kaip susiformavo iš esmės vieninga pomorų bendrija to meto Lietuvoje. Šie šio tyrimo aspektai dar nebuvo nuosekliai nagrinėjami istoriografijoje, nors oficialus Bažnyčios pripažinimas tapo reikšmingu įvykiu sentikybės istorijoje, nes Lietuva buvo pirmoji valstybė Europoje, oficialiai pripažinusi Sentikių Bažnyčios autonomiją ir lygybę.

Lietuvos Sentikių Bažnyčios religinei ir teisei situacijai analizuoti pasitelkti istorikų darbai, kontekstinė istoriografija ir teisės istorikų tyrimai. Lyginant Bažnyčios teisinio statuso ypatumus regioniniame kontekste, pasitelkiama ir užsienio istoriografija, nagrinėjanti Lenkijos, Latvijos, Estijos ir kitų šalių sentikių bendrijų teisinę padėtį. Straipsnyje taip pat panaudoti autorius pastarųjų metų tyrimų rezultatai, grindžiami naujos archyvinės medžiagos kompleksu, įvairiais dokumentais ir istoriografijos idėjomis.

Reikšminiai žodžiai: Sentikių Bažnyčia, pomorai, fedosejininkai, reemigracija, teisinis statusas, tarpukario Lietuva (be Vilniaus krašto)

Распад Российской империи и создание Литовского государства в 1918 г., провозглашение в нем религиозной свободы и обновление структуры Старообрядческой церкви существенно изменили общий контекст религиозной жизни, а также развитие взаимоотношений между Старообрядческой церковью Литвы (далее – СЦЛ) и государством. После 1918 г. среди староверов-беспоповцев Литвы окончательно утвердилось вероучение и религиозная практика брачных поморцев. Среди местных староверов (ранее безбрачных федосеевцев) распространилось самоназвание «поморцы», хотя в то же время сохранялись отдельные группы федосеевцев. Это знаменовало начало нового, собственно поморского периода

в истории СЦЛ, пришедшего на смену переходному федосеевско-поморскому периоду [Потащенко 2006, 33–34].

В это время сформировалась соборно-общинная модель СЦЛ, которую составляли автономные общины, съезд (собор) и центральные институты управления Церковью между съездами. На территории современной Литвы появились новые национальные религиозные центры староверов: в 1922–1944 гг. в Каунасе, ставшем в 1919–1939 гг. временной столицей независимой Литвы, и в 1925–1939 гг. в Вильнюсе, входившем в 1920–1939 г. в состав Польши. 20 мая 1923 г. правительство Литвы издало «Временные правила, регулирующие отношения между Старообрядческой Организацией Литвы и Правительством Литвы». На первый взгляд, это ординарное событие в рамках необходимого урегулирования взаимоотношений между государством и староверием как религиозным сообществом. Однако важность данного события состояла как в самом факте признания и его форме, так в историческом и в более широком европейском контекстах.

Новизна данного исследования состоит в сравнительном анализе правового положения СПЛ, позволяющем утверждать, что Литва стала первым государством в Европе, формально признавшим автономию и равноправие СЦЛ.

Согласно переписи населения 1923 г., в Литве (без Вильнюсского и Клайпедского краев) проживало почти 2,029 млн. жителей, среди них 85,72% католиков, 7,65% иудеев, 3,28% лютеран, 1,59% староверов, 1,13% православных и др. В Литве действовало 54 староверческие общины и насчитывалось 32149 старообрядцев [Lietuvos gyventojai 1926, XXII, XL]. Староверие было четвертой религиозной группой по численности прихожан в межвоенной Литве, в которой большинство жителей были католиками.

В исторической литературе некоторые вопросы церковного объединения и государственного признания СЦ Литвы затрагивались на ограниченном архивном материале и без новых данных о реэмиграции староверов в Литву [Sabaliauskaitė, Gumuliauskaitė 1998; Plonienė 2007; Потащенко 2009; 2010; 2012; Laukaitytė 2010; 2015]. В статье [Potašenko 2020] автор частично рассмотрел процесс реэмиграции и постепенного восстановления бывшей сети старообрядческих общин в Литве (без Вильнюсского края), а также юридическое оформление старообрядческой организации и проблемы ее религиозной автономии в 1923–1926 гг., однако не были затронуты проблемы самоорганизации общин и формирования поморского общества в Литве и вопрос о том, какое старообрядческое общество (согласие) признало правительство страны в 1923 г.

В данной статье впервые рассматриваются указанные аспекты развития СЦЛ в 1918–1923 гг. и три тесно связанные с этим проблемы. Первый вопрос заключается в выяснении, как формирование новых центральных структур Старообрядческой церкви в Литве в то время было связано с реэмиграцией староверов, способствовавшей воссозданию прежней сети их общин, и с последующим юридическим признанием СЦЛ в мае 1923 г. (следует отметить, что во «Временных правилах» говорится лишь о признании «старообрядческой организации», без указания на конкретное конфессиональное общество (согласие)). Следующий вопрос заключается в выяснении, как происходил процесс формирования фактически единого поморского общества, представители которого и были единственными субъектами переговоров с правительством во время подготовки закона, регулирующего взаимоотношения между государством и СЦЛ. В какой мере правительство и компетентные инстанции были информированы о утверждении учения брачных поморцев Литвы, фактически вытеснившего безбрачных федосеевцев?

В данной статье используются обычные для исследований в области истории церкви описательный и сравнительный методы, а также метод проблемного анализа, что обусловлено отсутствием должного освещения в историографии многих аспектов нашего исследования. Развитие СЦЛ в 1918–1923 гг. сравнивается с положением старообрядческих обществ в других государствах в 1918–1940 гг., что позволяет выявить особенности развития СЦЛ на фоне староверия в других странах.

Для анализа религиозной и правовой ситуации СЦЛ в статье использованы не только труды историков и избранная контекстуальная историография [Kasatkina, Marcinkevičius 2009; Safronovas ir kt. 2018], но и исследования историков права [Riomeris 1990; Maksimaitis 2005; Lietuvos konstitucionalizmo istorija 2016]. Для сравнения особенностей правового статуса СЦЛ в региональном контексте также привлечена зарубежная историография, изучающая правовой статус старообрядческих обществ в Польше, Латвии, Эстонии и др. [Iwaniec 1977; Krasowski 1988; Фейгмане 2000; Пономарева, Шор 2006; Никонов 2008; Вабишевич 2015].

В статье используются результаты авторских исследований последних лет, основанных на комплексе новых архивных материалов (Центральный государственный архив Литвы (далее – ЦГАЛ), фонд Министерства внутренних дел (фонд 377), фонд Центрального старообрядческого совета (далее – ЦСС) СЦЛ (фонд 1832) и др.), законодательных и других документов.

Резмиграция староверов в Литву и восстановление общин: 1918–1923 гг.

В конце 1918 г. староверие в Литве было в критическом положении. По данным наших новых исследований, почти две трети староверов были вынуждены в годы Первой мировой войны покинуть свои общины, храмы и родные места. Большинство местных староверов с наступлением немецких войск еще осенью 1915 г. эвакуировалось вглубь России. Тысячи мужчин были мобилизованы в российскую армию. В Литве (без Вильнюсского края) могло оставаться приблизительно 15–16 тыс. староверов, тогда как до 1914 г. их общее количество могло достигать более 51 тыс. человек [Potašenko 2020]. В большинстве религиозных общин прекратились богослужения, многие общины опустели. Центрального церковного управления не было. Большинство общин остались не только без наставников, опытных церковнослужителей, но и без церквей, церковного имущества и инвентаря. По нашим подсчетам, в 1915–1918 гг. не менее 12 храмов в Литве (без Вильнюсского края) сгорели или были значительно разрушены. Это около 22,2% всех 54 храмов, действовавших в 1924 г.

В 1918–1921 гг., а иногда и позже, многие староверы возвращались из советской России в Литву. Согласно новым исследованиям, вернулось лишь около 358 тыс. беженцев и ссыльных из примерно 830 тыс. людей, уехавших из будущей межвоенной Литвы (без Виленского края) в 1914–1918 гг. [Safronovas ir kt. 2018, 51].

Довольно сложно установить, сколько русских, а также староверов, было среди вернувшихся беженцев. Известно, что по данным переписи населения в 1923 г. в Литве проживало 32 149 староверов. Учитывая 15–16 тыс. староверов, оставшихся в 1918 гг., можно предположить, что в 1918–1922 гг. вернулось не менее 16–17 тыс. староверов (примерно 51–53% всех русских репатриантов). Еще около 19 тыс. староверов (37% от бывших до 1914 г. 51 620 староверов), уехавших из будущей независимой Литвы на Восток, могло не вернуться и остаться жить в Советской России, немногие из них поселились в Латвии или других европейских странах. Это огромная утрата для небольшого религиозного общества. Кроме того, немало староверов (точных данных нет) стало жертвами Первой мировой войны, гражданской войны в России, а также послевоенных малых войн, голода и болезней.

Возвращение староверов-беженцев Первой мировой войны в Литву началось после того, как 3 марта 1918 г. в Брест-Литовском был подписан мирный договор между Германией и Советской Россией [Safronovas ir kt. 2018, 49–52]. Однако возвращение русских Литвы, как и других ее жителей, было неорганизованным, стихийным и временами фактически пре-

кращалось или осложнялось по разным причинам. Официальное организованное возвращение беженцев началось после подписания Литвой и Россией 12 июля 1920 г. мирного договора. В 1918–1922 гг. репатриация из Советской России в Литву староверов, как и других беженцев – тогда фактически из-за границы – была долгим и неравномерным процессом. Официальная регистрация беженцев, желающих вернуться в Литву, завершилась в конце 1922 г.

Осенью 1918 г. возобновились регулярные богослужения в Вильнюсском приходе [Киселев 1930, 28–29], в сентябре 1919 г. они возобновились также в Каунасском храме. Следует отметить, что Вильнюсская и Каунасская общины уже десятилетиями были поморскими общинами, и именно они стали инициаторами и очагами объединения поморцев, затем и их духовными центрами в Польше и Литве.

По данным устной истории литовских староверов и исторической литературы, с осени 1918 г. до середины 1920 г. действовало не менее 32 общин (62% от всех 52 общин): около 18 общин в будущей Литве продолжало, а не менее 14 восстанавливало свою религиозную деятельность. Со второй половины 1920 г. по 1922 г. свою деятельность возобновило еще до 20 общин: Паскутишкская, Перелазская, Укмергская и др., где были избраны наставники и нередко советы общин [Potašenko 2020].

Итак, репатриация староверов в Литву была длительным процессом. Это во многом объясняет, почему процесс восстановления старообрядческих приходов происходил достаточно медленно и затянулся на три–четыре года, а формальное объединение СЦЛ началось лишь в конце 1921 г. – мае 1922 г.

Формирование Старообрядческой церкви Литвы и утверждение учения брачных поморцев

После окончания Первой мировой войны религиозная жизнь многих общин и всей СЦЛ не сразу вернулась к нормальному ритму. Шел постепенный неравномерный процесс самоорганизации на местах, утверждения в религиозных общинах самоназвания «поморцы», позже начали создавать общинные структуры – выборы наставников, советов общин и их председателей, избрание Каунасского регионального совета 14 января 1922 г. Лишь после этого 6 мая 1922 г. в Каунасском Никольском храме состоялся 1-й съезд старообрядцев Литвы, способствовавший объединению большинства поморских общин. На съезд прибыло 114 представителей (8 наставников и 69 делегатов) от 40 общин. Впервые был образован высший орган церковного управления между соборами – ЦСС во главе с председателем Василием Прозоровым [Протокол 1922]. На 2-м съезде в декабре 1923 г. была избрана и Духовная комиссия. Важно подчеркнуть,

что впервые с начала XIX в. возникла единая Церковь: на территории тогдашней Литвы действовали общины только одного согласия староверия – брачных поморцев, что знаменовало начало нового, собственно поморского периода в истории СЦЛ.

Как происходил процесс утверждения брачных поморцев в Литве в 1918–1923 гг.? Куда исчезли федосеевские общины или группы? Примечательно, что в те годы в Литве действовали исключительно поморские общины, признававшие церковные браки. Почти не упоминались федосеевские общины, формально действовавшие до 1914 г., а ведь лишь в Ковенской губернии их было не менее 11 [Потащенко 2010, 55]. После 1918 г. в Литве все еще оставались небольшие неорганизованные группы федосеевцев или сочувствовавших им. В конце 1920-х – 1930-е гг. они все пытались зарегистрировать свои общины, но безуспешно.

Самоназвание «поморцы» не было само собой разумеющимся для современников-староверов в 1920-е гг. Оно остается отчасти проблематичным до настоящего времени. После 1918 г. в самосознании многих верующих СЦЛ все еще доминировало обобщающее понятие «старовер», «старообрядец», хотя в то время понятие «старовер» в повседневной жизни верующих староверов, как и в общественном дискурсе межвоенной Литвы, фактически относилось только к одной ветви беспоповцев – брачным поморцам, что во второй половине 1930-е гг. отмечали некоторые литовские католические авторы [ср. Rutkauskaitė 1939].

Названия (и самоназвание) «поморцы» или «Поморская ветвь» в межвоенной Литве после 1918 г. и позже использовались, но широко распространения не получили. Они появились в довоенной печати в надписи «Старообрядческая община поморского согласия», использовавшейся в 1921–1922 гг. Каунасской общиной [Совету 1922]. Участники некоторых литовских соборов называли себя поморцами либо это название использовали наставники, знатоки староверия, историки и русские публицисты. Так, 3 мая 1922 г. наставник Перелазской общины Василий Михайлов адресовал письмо председателю ЦСС В. Прозорову в «Перелазский приход (Поморское согласие)». В Литве в 1918–1923 гг. (и позже) для староверов не было само собой разумеющимся, что все их общины в стране поморские, поэтому В. Михайлову было важно подчеркнуть, что его приход идентифицируется с поморским согласием. Он писал, что в то время необходимо было «организовать и выявить все старообрядческие приходы в Литве, а также сколько всего у нас приходов, как они называются и какого они согласия» [Наставник 1922].

Таким образом, весной 1922 г. процесс утверждения брачных поморцев, видимо, еще не был окончательно завершён во всех общинах Литвы. Его формальное закрепление произошло лишь на Первом вселитовском

соборе староверов 6 мая 1923 г. Поэтому формирование структуры СЦЛ было не только тесно связано с утверждением в общинах учения поморцев-брачников, но могло также способствовать этому процессу. В Литве переход к поморскому учению окончательно завершился в 1920-е гг. В апреле 1938 г. 7-й съезд староверов Литвы в протоколе заглавия уточнял, что это съезд «Поморского согласия» [Протокол 1938].

Во второй половине XX в. большинство беспоповцев в странах Балтии приняло учение о бессвященнословных браках и стали поморцами, а самоназвание «поморская церковь» стало привычным в церковных кругах и вошло в официальное название «Древлеправославной поморской Церкви», существующей и поныне. В этом отношении Литва похожа на Польшу в 1920–1939 гг., где также утвердились поморцы [Iwaniec 1977]. Однако в Латвии и Эстонии было иначе. Здесь активно действовали как поморские, так и федосеевские общины и их объединения [Пономарева, Шор 2006; Никонов 2008]. В СССР были и другие беспоповские соглашения, кроме названных двух, было также несколько поповских церквей. Федосеевцы в Литве, по сравнению с поморцами-брачниками, консервативнее, организационно и интеллектуально слабее, а также более закрыты по отношению к обществу и отчасти власти. Однако сочувствующие федосеевцам в некоторых старообрядческих общинах или их группы все же оставались.

Окончательное утверждение поморских общин и их практики бракосочетания тогда происходило довольно гладко, и не только потому, что поморские приходы взяли на себя инициативу религиозного объединения, а власти Литвы признавали только их. Как показал 1-й съезд литовских староверов в 1922 г., наставники и многие участвовавшие в нем прихожане гораздо благосклоннее относились к более умеренному учению поморцев-брачников [Поташенко 2012], чем к федосеевцам. Кроме того, после Первой мировой войны и массового принудительного переселения староверов на Восток и частичного их возвращения, в Литве оставалось гораздо меньше федосеевских очагов, а также сочувствующих им в отдельных приходах, а в особенности – ярких лидеров. Мелкие разногласия между поморцами и федосеевцами, их споры об обрядах не имели для многих литовских беспоповцев в то время существенного значения, и память о федосеевцах все более тускнела.

В соседней с Перелазами Римковской общине и ее окрестностях в 1920–1930-е гг. сохранились группы сочувствующих федосеевцам. Некоторое время после 1918 г. в Бобришкском приходе также не признавали женатых наставников [История 1935], что не помешало двум представителям общины участвовать в 1-м съезде староверов Литвы в мае 1922 г.

Широкой внутренней дискуссии не было, по крайней мере публичной. Споры, если и были, не имели заметного общественного воздействия и ограничивались локальными очагами на периферии Литвы; старообрядческие полемические книги не выходили, не было и своих периодических изданий.

Официальное признание Церкви и его значение

Религиозное объединение староверия Литвы и избрание ЦСС в мае 1922 г. стало важным условием их признания как существующей религиозной общности со стороны государства. Руководство СЦЛ это хорошо осознавало. Весной 1922 г. Учредительный Сейм живо обсуждал новую конституцию Литвы, принятую 1 августа того же года, то есть спустя почти три месяца после 1-го съезда староверов страны. Существенно, что 83 статья Конституции гарантировала действующим на момент ее принятия религиозным организациям автономные права [1922 m. Konstitucija, 83; Riomeris 1990, 264–265; Lietuvos konstitucionalizmo istorija 2016, 198–199].

Уже в 1919–1922 гг. правительство Литвы фактически признало старообрядческие поморские общины и Совет общин Каунасского региона, избранный в декабре 1921 г., а весной 1922 г. – ЦСС, в начале переговоров о форме юридического признания СЦЛ. Процесс официального признания СЦЛ завершился 20 мая 1923 г., когда кабинет министров утвердил «Временные правила», ставшие основой государственно-церковных отношений в межвоенной Литве [Laikinosios taisyklės 1923].

Конъюнктурные и короткие «Временные правила» следует считать положительным документом для СЦЛ, впервые гарантировавшим юридическое равноправие староверия с другими религиозными организациями и открывшим перед поморцами широкие возможности их дальнейшей самоорганизации на канонической основе в 1920–1930-е гг. Принятие данного документа остается одним из важнейших событий в истории СЦЛ в 1920–1930-е гг., а также в 1918–2024 гг. в целом.

Официальное признание, тем не менее, не гарантировало невмешательства авторитарного правительства во внутренние дела Церкви в 1930-е гг. «Временные правила» содержали ряд положений, которые были навязаны староверам правительством или могли служить предлогом для вмешательства во внутренние дела Церкви. Государство, особенно демократическое, не должно было бы рекомендовать и тем более навязывать количественный состав ЦСС, сроки его полномочий или пропорции представительства от приходов на съезд староверов Литвы, как это сделано во «Временных правилах». Так, Министерство внутренних дел могло утверждать или не утверждать состав ЦСС (§ 5), члены

которого избирались на съезде старообрядцев Литвы (§ 2). Члены ЦСС должны были не только быть гражданами Литвы, но и знать литовский язык (§ 4). Это могло стать препятствием для реализации воли и постановлений съездов староверов Литвы и открывало возможность прямого контроля государственных учреждений при формировании ЦСС или вмешательства во внутренние дела Церкви, что и произошло в 1930 г., затем в 1934 г. и повлекло серьезные последствия в деле управления СЦЛ.

Проблематичным является вопрос о том, какую Церковь признало литовское правительство в 1923 г. В самом законе упоминается лишь общее понятие «староверы», без указания на одно из двух религиозных течений – поморцев или федосеевцев, широко распространенных на территории Литвы еще до 1914 г. Как повлияло официальное признание СЦЛ на процесс утверждения учения поморцев?

Официальное признание староверия, фактически Поморской церкви, в мае 1923 г. утвердило факт создания СЦЛ и его юридического равноправия в Литве. Это определило также сотрудничество правительства с СЦЛ в области просвещения и регистрации наставниками в общинах актов рождения, брака и смерти, имевших в 1920–1930-е гг. юридическую силу в Литве. Сам факт сожительства без брака был неприемлем в межвоенной Литве, а неоформленный брак не признавался юридически.

Правительство признало ЦСС единственным духовным центром СЦЛ (фактически Поморской церкви). Многие чиновники, не разбиравшиеся в конфессиональных различиях староверов, в них не вникали. Почти все дела, касающиеся староверия, литовские чиновники решали через ЦСС в Каунасе. Поэтому роль ЦСС и его позиция была исключительно важной. К ней прислушивались и ее учитывали государственные институты, хотя при необходимости выслушивалась и другая сторона (федосеевцев).

Было ли правительство осведомлено о различиях двух беспоповских толков? Сами члены правительства могли и не знать или же они были вкратце информированы о них. О том, что в Литве действуют и признаются правительством лишь поморские общины, в начале 1920-х гг. знал только узкий круг чиновников: советник по делам религии коёндз Казимерас Прапоуленис и юристы Министерства внутренних дел, которые в общих чертах были осведомлены о важных различиях между поморцами и федосеевцами [Tikybų departamentas 1923].

Однако позже чиновники познакомились с отдельными группами староверов, не входящими в СЦЛ. Федосеевцы или группы, не всегда называющие себя федосеевцами, не были официально признаны в межвоенной Литве. Собственно, организованных в общины федосеевцев в Литве тогда и не было. Попытки создания федосеевских или безбрачных общин (часто себя не называвших федосеевцами) в дальнейшем были

безуспешными, они действовали как неформальные группы в Римкай, Укмерге, Дегучай и пр.

Таким образом, официальное признание СЦЛ в мае 1923 г. также косвенно содействовало дальнейшему распространению самоназвания «поморцы». Других старообрядческих направлений правительство в то время не признавало. Самоназвание «федосеевцы» и идентификация с ним постепенно уходило в прошлое, все реже употребляясь староверами Литвы как их актуальная идентичность, став символом прошлых времен.

Важно подчеркнуть, что Литва была в тогдашней Европе первым государством, правительство которого юридически признало СЦЛ и специальным законом утвердило ее церковную автономию и равноправие с другими религиозными обществами в национальном государстве. Эта была невиданная новость для староверия как Литвы, так и других стран. Официальное признание, как в Литве, получили также староверы в Польше в 1928 г. и отчасти староверы в Эстонии и Латвии.

Официальное признание или непризнание староверия в Европе в 1920–1930-е гг. носило разную форму в разных государствах. В Польше действовала Восточная Старообрядческая церковь, официально признанная в 1928 г. как автономная церковь [Krasowski 1988, 195; Вабищевич 2015, 160]. В Латвии беспоповцы были признаны государством на основе закона Российской империи 1906 г., затем закона Латвии 1935 г., признающего юридические права только за религиозными общинами [Фейгмане 2000; Podmazovs 2001; Никонов 2008, 181–194].

С 1928 г. в Эстонии действовала Старообрядческая церковь, или единый Союз старообрядческих общин, включавший 10 поморских и две федосеевские общины и имевший статус юридического лица. Существенное отличие ситуации в Эстонии от Литвы и Польши заключается в том, что небольшое старообрядческое сообщество в Эстонии не было признано специальным законом, гарантирующим определенные дополнительные права и льготы (в частности, финансирование религиозных школ), а также не пользовалось политическими и социокультурными преимуществами, какие были у таких более крупных религиозных сообществ, как Лютеранская или Православная (Константинопольского патриархата с 1922 г.) церкви [Пономарева, Шор 2006, 33, 43; ср. Зеттерберг 2013, 146–149].

Положение староверия в странах Балтии и Польше существенно отличалось от положения староверческих обществ в Румынии, Болгарии [Анастасова 1994] и тогдашнем СССР. Поповцы и немногочисленные беспоповские общины (последние, видимо, были разобщены) в Румынии в 1918–1947 гг. не были официально признаны как религиозное сообщество [Мельников 1999; Панкратов 2002]. Староверы в СССР в 1930-е гг.,

где проживало около 90% всех староверов мира, оказались в крайне сложной ситуации. В Советской России в 1918 г. церковь (в том числе старообрядческие организации) была отделена от государства и государственной школы, лишена прав юридического лица и собственности, а религия формально объявлялась частным делом граждан. В 1930-е гг. государство ужесточило религиозную политику, начав беспрецедентные по своим масштабам и жестокости гонения на веру, массовые репрессии против наставников, верующих, вплоть до их физического устранения. В итоге были полностью уничтожены почти все организованные формы церковной жизни в СССР [Streikus 2002, 23–40; Кожурин, Розанов 2006; ср. Зубов 2016, 66–73, 155–164]. Религиозной традиции в СССР, а также религиозному сознанию верующих был нанесен неизмеримый урон, хотя и не уничтоживший их: как показала перепись населения 1937 г., засекреченная властями, почти 57% опрошенных записали себя верующими.

Выводы

Относительно продолжительная массовая реэмиграция (репатриация) староверов из советской России в Литву в 1918–1922 гг. во многом объясняет, почему процесс восстановления прежней сети старообрядческих общин и появления новых общин в Литве происходил достаточно медленно и затянулся на три–четыре года.

Анализ архивных данных, религиозных и социальных процессов показал, что довольно позднее формирование новых центральных структур Старообрядческой церкви в Литве в 1921–1923 гг. было напрямую связано как с затянувшейся массовой реэмиграцией староверов, так и с возникновением фактически единого поморского сообщества, которое и было юридически признано государством в мае 1923 г.

В 1922–1923 гг. староверы создали соборно-общинную модель Старообрядческой Церкви в Литве. Это существенное институциональное обновление Церкви и ее управления демонстрировало явную тенденцию к централизации и церковному объединению на основе учения брачных поморцев. Формирование центральных структур Церкви в начале 1920-х гг. было не только тесно связано с почти повсеместным утверждением в общинах практики брачных поморцев, но могло в ряде случаев способствовать этому процессу.

«Временные правила» от 20 мая 1923 г. стали важным событием в религиозной жизни СЦЛ. Они открыли перед старообрядцами в 1920–1930-е гг. широкие возможности их дальнейшей самоорганизации на канонической основе. Официальное признание староверия утвердило факт создания СЦЛ, фактически полной структуры поморского сообщества.

Это был дополнительный важный фактор, способствовавший утверждению учения поморцев-брачников в межвоенной Литве.

Анализ показал, что уже в 1918–1923 гг. в СЦЛ формально утвердилось учение брачных поморцев. Это положило начало новому периоду в истории Церкви, то есть собственно поморскому периоду, пришедшему на смену федосеевско-поморскому (начало XIX в. – 1918 г.). Память о федосеевцах, не признававших институт церковного брака, постепенно уходила в прошлое, хотя отдельные группы федосеевцев продолжали существовать и после 1923 г., безуспешно стремясь к признанию со стороны правительства Литвы в обход ЦСС. Это одно из наиболее ярких отличий литовского старообрядчества XX в. от староверия в Эстонии и Латвии, где еще долгое время сохранялись федосеевские общины.

В 1923 г. Литва была первым государством в тогдашней Европе, которое юридически признало Старообрядческую церковь, а также утвердило церковную автономию староверов-поморцев и их равноправие с другими религиозными общинами. Это также существенно отличало положение староверия в странах Балтии и Польше от положения всех староверческих обществ как Юго-Восточной Европы, так и тогдашнего СССР, которые в 1930-е гг. оказались в чрезвычайно сложной ситуации.

Источники

История 1935 – История Бобришкской общины [около 1935 г.]. ЦГАЛ. Ф. 1832. Оп. 1. Д. 72. Л. 24.

Наставник 1922 – Наставник Перелазского прихода <...> В. А. Прозорову, 03 05 1922. ЦГАЛ. Ф. 1832. Оп. 1. Д. 1. Л. 48.

Протокол 1922 – Протокол заседания первого Вселитовского Стар. Съезда, 1922 05 06. ЦГАЛ. Ф. 1832. Оп. 1. Д. 1. Л. 185–187.

Протокол 1938 – Протокол 9 Вселитовского съезда старообрядцев Литвы, Поморского согласия, 1938 04 12–13. ЦГАЛ. Ф. 1832. Оп. 1. Д. 54. Л. 106–108.

Совету 1922 – Совету <...> стар. прихода, 1922 04 10. ЦГАЛ. Ф. 1832. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

Laikinos taisyklės 1923 – Lietuvos sentikių organizacijos santykiams su Lietuvos vyriausybe normuoti laikinos taisyklės, 1923 m. gegužės mėn. 20 d., Vyriausybės žinios, 1923 m. gegužės 29 d. Nr. 132. eil. 986.

Lietuvos gyventojai, 1926 – Lietuvos gyventojai: 1923 m. rugsėjo 17 d. surašymo duomenys. Kaunas: Centralinis Statistikos Biuras, [1926].

Rutkauskaitė I., 1939. Sentikiai Lietuvoje (rankraštis). ЦГАЛ. Ф. 1674. Оп. 1. Д. 254.

Sąrašas 1922 – Sąrašas sentikių parapijų Lietuvoje, 1922 12 02. ЦГАЛ. Ф. 377. Оп. 9. Д. 47. Л. 142–143.

Tikybų departamentas 1923 – Vidaus reikalų ministerijos Tikybų departamentas SCT, 1923 01 07. ЦГАЛ. Ф. 1832. Оп. 1. Д. 3. Л. 11.

1922 m. Lietuvos Konstitucija. In *Lietuvos valstybės teisės aktai* (1918.II.16 – 1940. VI.15) / parengė V. Andriulis, R. Mockevičius, V. Valeckaitė. Vilnius: Teisės institutas, 1996, 7–14.

Литература

АНАСТАСОВА, Е., 1994. Старообрядческие поселения в Болгарии глазами русских некрасовцев и их болгарских соседей. In GREK-PABISOWA, I. (red.). *Skupiska staroobrzędowców w Europie, Azii i Ameryce. Ich miejsce i tradycje we współczesnym świecie*. Warszawa: Polska Akademia Nauk, Instytut Slawistyki, 197–213.

ВАБИЩЕВИЧ, А. Н., 2015. Старообрядцы как этноконфессиональное меньшинство в Польше (1918–1939 гг.), *Славянский альманах*. Вып. 3–4. 157–172.

ЗЕТТЕРБЕРГ, С., 2013. *История Эстонской Республики*. Пер. с эстонского Д. Брунса. Таллинн: Издательство «КПД».

ЗУБОВ, А. Б. (ред.), 2016. *История России XX век. Эпоха сталинизма (1923–1953)*. Т. II. Москва: Издательство «Э».

КИСЕЛЁВ, П., 1930. *Столетие Виленской старообрядческой общины 1830–1930 гг. Исторический очерк*. Вильна: Высший старообрядческий совет в Польше.

КОЖУРИН, К., РОЗАНОВ, О., 2006. *Краткий очерк по истории Древлеправославной поморской церкви Христовой*. Москва: ДПЦ.

МЕЛЬНИКОВ, Ф., 1999. *Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви*. Барнаул: Изд-во БГПУ.

НИКОНОВ, В., 2008. *Староверие Латгалии. Очерки по истории староверческих обществ Режицкого и Люцинского уездов (2-я половина XVII–1-я половина XX)*. Резекне: Резекненская кладбищенская старообрядческая община.

ПАНКРАТОВ, А. В., 2002. Белокриницкая иерархия. *Православная энциклопедия*. Т. IV. «Афанасий – Бессмертие». Москва: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 542–556.

ПОНОМАРЕВА, Г., ШОР, Т., 2006. *Староверы Эстонии. Краткий исторический справочник*. Тарту: Общество культуры и развития староверов Эстонии.

ПОТАШЕНКО, Г., 2006. *Староверие в Литве: вторая половина XVII – начало XIX вв. Исследования, документы и материалы*. Vilnius: Aidai.

ПОТАШЕНКО, Г., 2009. Староверы в Литве (1918–1940): правовой статус, социальное положение и эмиграция, *Slavistica Vilnensis 2005–2009: Литовцы и славяне: взаимодействие языков и культур в истории и современности*, 54(2). 143–155. <https://www.zurnalai.vu.lt/slavistica-vilnensis/article/view/26892>

ПОТАШЕНКО, Г., 2010. Староверы в странах Балтии и Польше: вехи непростой истории. In ПОТАШЕНКО, Г. (отв. ред.), КОНИЦКАЯ, Е., МОРОЗОВА, Н. *Культура староверов стран Балтии и Польши: исследования и альбом*. Вильнюс: Kronta, 22–55.

ПОТАШЕНКО, Г., 2012. Старообрядческая церковь в Литве (1918–1923): церковное объединение и государственное признание. In *Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Т. XII. Сборник в честь проф. С. Г. Исакова – к 80-летию со дня рождения*. Таллинн: TLÜ Kirjastus, 39–54.

ФЕЙГМАНЕ, Т., 2000. *Русские в довоенной Латвии. На пути интеграции*. Рига: ВКІ.

JAROSZEWICZ-PIERESŁAWCEW, Z., 1995. *Starowiercy w Polsce i ich księgi*. Olsztyn: Ośrodek Badań Nauk im. Wojciecha Kętrzyńskiego.

ILONIENĖ, S., 2007. *Sentikių bažnyčia Lietuvoje 1918–1940 metais: teisinė padėtis, religinė organizacija, visuomeninė politinė sklaida: magistro darbas* [rankraštis]. Vilnius: Vilniaus universitetas.

IWANIEC, E., 1977. *Z dziejów staroobrzędowców na ziemiach Polskich XVII–XX w.* Warszawa: Białostockie Towarzystwo Naukowe, Państwowe Wydawnictwo Naukowe.

KASATKINA, N., MARCINKEVIČIUS, A., 2009. *Rusai Lietuvos Respublikos visuomenėje 1918–1940 m.: istorinės retrospektyvos konstravimas*. Vilnius: Socialinių tyrimų institutas; Eugrimas.

KRASOWSKI, K., 1988. *Związki wyznaniowe w II Rzeczypospolitej: stadium historycznoprawne*. Warszawa, Poznań: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.

MAKSIMAITIS, M., 2005. *Lietuvos valstybės konstitucijų istorija*. Vilnius: Justitia.

LAUKAITYTĖ, R., 2010. Lietuvos religinės mažumos 1918–1940 m. Valstybės globoje. In *Bažnyčios istorijos studijos*, t. III. Vilnius: LKMA, 243–270.

LAUKAITYTĖ, R., 2015. Konfesinė sritis. In *Lietuvos istorija*, t. X, 2 d. *Nepriklausomybė (1918–1940 m.)*. Vilnius: Lietuvos istorijos institutas, 68–95.

Lietuvos konstitucionalizmo istorija – VAIČAITIS, V. (red.), 2016. *Lietuvos konstitucionalizmo istorija (istorinė Lietuvos konstitucija). 1387 m.–1566 m.–1791 m.–1918 m.–1990 m.* Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla.

PODMAZOVŠ, A., 2001. *Vecticība Latvijā*. Rīga: LU Filozofijas un socioloģijas institūts.

POTAŠENKO, G., 2020. Sentikių bažnyčia Lietuvoje (1918–1926): parapijų atsikūrimas ir jų pripažinimas, Bažnyčios įteisinimas ir autonomijos problemos, *Lietuvos istorijos studijos*, 46. 43–66. <https://doi.org/10.15388/LIS.2020.46.3>

RIOMERIS, M., 1990. *Lietuvos konstitucinės teisės paskaitos* (sud. M. Maksimaitis). Vilnius: Mintis.

SABALIAUSKAITĖ, J., GUMULIAUSKAITĖ, L., 1998. Iš sentikių bažnyčios istorijos: 1922–1944 m. In *Lietuvos sentikiai: duomenys ir tyrimai. 1996–1997*. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 14–25.

SAFRONOVAS, V., JOKUBAUSKAS, V., VAREIKIS, V., VITKUS, H., 2018. *Didysis karas visuomenėje ir kultūroje: Lietuva ir Rytų Prūsija*. Klaipėda: Klaipėdos universiteto leidykla.

STREIKUS, A., 2002. *Sovietų valdžios antibažnytinė politika Lietuvoje (1944–1990)*. Vilnius: Lietuvos gyventojų genocido ir rezistencijos tyrimo centras.

Bibliography (Transliteration)

ANASTASOVA, J., 1994. Staroobriadcheskiye poseleniya v Bolgarii glazami russkikh nekrasovcev i ich bolgarskih sosedej. In GREK-PABISOWA, I. (red.). *Skupiska staroobrzędowców w Europie, Azii i Ameryce. Ich miejsce i tradycje we współczesnym świecie*. Warszawa: Polska Akademia Nauk, Instytut Sławistyki, 197–213.

FEJGMANE, T., 2000. *Russkie v dovoennoj Latvii. Na puti integracii*. Riga: BKI.

KISELIOV, P., 1930. *Stoletije Vilenskoy staroobriadcheskoj obshchiny (1830–1930 g.)*. *Istoricheskij ocherk*. Vilna: Vysshij staroobriadcheskij sovet v Polsce.

KOZHURIN, K., ROZANOV, O., 2006. *Kratkij ocherk po istorii Drevlepravoslavnoj pomorskoj cerkvi Hristovoj*. Moskva: Izdaniye DPC.

MEL'NIKOV, F., 1999. *Kratkaya istoriya drevlepravoslavnoj (staroobriadcheskoj) cerkvi*. Barnaul: Izdatel'stvo BGPU.

NIKONOV, V., 2008. *Staroverie Latgalii. Ocherki po istorii starovercheskih obshhestv Rezhickogo i Ljucinskogo uezdov (2-ja polovina XVII–1-ja polovina XX)*. Rezekne: Rezeknenskaya kladbishhenskaya staroobriadcheskaya obshhina.

PANKRATOV, A. V., 2002. Belokrinickaja ierarhija. In *Pravoslavnaja enciklopedija*. T. IV. «Afanasij – Bessmertie». Moskva: CNC «Pravoslavnaja enciklopedija», 542–556.

PONOMARIOVA, G., SHOR, T., 2006. *Starovery Estonii. Kratkij Istoricheskij spravochnik*. Tartu: Obshestvo kul'tury i razvitiya staroverov Estonii.

POTASHENKO, G., 2006. *Staroverie v Litve: vtoraya polovina XVII – nachalo XIX vv. Issledovaniya, dokumenty i materialy*. Vilnius: Aidai.

POTASHENKO, G., 2009. Staroverie v Litve (1918–1940): pravovoj status, social'noe polozhenie i emigraciya, *Slavistica Vilnensis 2005–2009: Litovcy i slaviane: vzaimodejstvie jazykov i kul'tur v istorii i sovremennosti*, 54(2). 143–155. <https://www.zurnalai.vu.lt/slavistica-vilnensis/article/view/26892>

POTASHENKO, G., 2010. Starovery v stranah Baltii i Pol'she: vehi neprostoje istorii. In POTASHENKO, G. (otv. red.), KONITSKAJA, J., MOROZOVA, N. *Kul'tura staroverov stran Baltii i Pol'shi: issledovaniya i al'bom*. Vilnius: Kronta, 22–55.

POTASHENKO, G., 2012. Staroobriadcheskaja cerkov' v Litve (1918–1923): cerknoe ob'edinenie i gosudarstvennoe priznanie. In *Baltiiskij arhiv: Russkaja kul'tura v Pri-baltike. T. XII. Sbornik v chest' prof. S. G. Isakova – k 80-letiju so dnja rozhdenija*. Tallinn: TLÜ Kirjastus, 39–54.

VABISHHEVICH, A. N., 2015. Staroobriadcy kak etnokonfessional'noe men'shinstvo v Pol'she (1918–1939 gg.). In *Slavjanskij al'manah*. Vyp. 3–4, 157–172.

ZETTERBERG, S., 2013. *Istoriya Estonskoj Respubliki*. Per. s estonskogo D. Brunsaa. Tallinn: Izdatel'stvo „KPD“.

ZUBOV, A. B. (red.), 2016. *Istoriya Rossii XX vek. Epoha stalinizma (1923–1953)*. Tom II. Moskva: Izdatel'stvo «Je».